

Митрополит Иларион: Главное в моей жизни – это Церковь

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион дал интервью телеканалу «Россия 24».

– Владыка, здравствуйте. Большое спасибо, что нашли возможность встретиться с нами в преддверии Вашего юбилея. 24 июля Вам исполняется 50 лет. Вы определяете для себя итоги этого периода жизни. Как принято у священнослужителей такие даты отмечать?

– Все праздники – и церковные, и личные – мы отмечаем одинаково: собираемся в храм на Божественную литургию, служим, причащаемся. После этого обычно бывает трапеза, на которой юбиляра поздравляют. Такой же формат празднования предполагается и в данном случае. Святейший Патриарх возглавит совершение Божественной литургии в храме, где я служу, на Большой Ордынке. После этого мы потрапезуем, пообщаемся.

Если говорить о возрасте, то, честно говоря, я не чувствую себя пятидесятилетним. Главное в моей жизни – это Церковь. Из пятидесяти лет тридцать я посвятил служению Церкви. В 20 лет я стал монахом и вот уже три десятилетия пребываю в монашеском звании, исполняю послушания, которые на меня Церковь возлагает, и очень счастлив, что выбрал именно такой путь, а не какой-нибудь другой. Никогда об этом не пожалел.

– Что принято дарить на дни рождения, на юбилеи, важные даты у священнослужителей, у монахов?

– Дарят самые разные вещи – иконы, цветы, панагии... Хотел бы отметить, что панагия, которую я ношу сейчас, мне не подарена – она переходящая. Эта изготовленная в дореволюционное время панагия в военном 1944 году была подарена Патриарху Сергию духовенством города Москвы. От Патриарха Сергия она перешла к митрополиту Николаю (Ярушевичу) – первому председателю Отдела внешних церковных связей, от которого далее стала переходить к другим председателем Отдела. Так она дошла до меня – мне ее вручил Святейший Патриарх Кирилл, когда он стал Патриархом и назначил меня на эту должность, которую сам исполнял в течение 20 лет. Он завещал передать эту панагию следующему председателю Отдела.

– И работал он в этом же кабинете?

– Да. В этом кабинете он работал 20 лет, здесь встречался с посетителями; здесь были приняты многие очень важные решения, касающиеся нашей церковной жизни.

– Владыка, несколько лет велась подготовка к Всеправославному Собору, который состоялся в итоге на Крите, но Всеправославным он так и не стал: несколько Церквей, включая Русскую Православную Церковь, участия в нем не приняли. Почему там не было нашей Церкви, и видите ли Вы сейчас возможность объединения Поместных Православных Церквей для разработки единой концепции развития Православия?

– Мы были последними, кто отказался ехать: сначала отказались болгары, потом антиохийцы, затем грузины. И когда мы поняли, что трех Церквей на Крите не будет (да еще и Сербская Церковь заявила, что не поедет), то решили, что тоже не должны ехать, потому что на протяжении предсоборного процесса мы настаивали на том, что все решения на Соборе должны приниматься консенсусом. Консенсус с нашей точки зрения – это не просто согласие всех присутствующих, но согласие всех общепризнанных Поместных Православных Церквей.

И вот оказалось, что Антиохийская Церковь вообще не давала согласия на созыв Собора, она не подписала некоторые документы. Грузинская Церковь тоже не подписала некоторые документы. То есть оставалось много нерешенных вопросов, о чем мы постоянно напоминали, предлагая провести еще одно предсоборное совещание, дабы все эти вопросы решить и тогда уже провести Собор. Но нас не послушали. В итоге стало понятно, что Собор состоится, но некоторых Церквей на нем не будет. И как в такой ситуации мы могли поехать?

У нас не было заведомого желания не ехать на Собор: на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви было принято решение туда ехать, потом была сформирована делегация, но когда стало понятно, что Церкви одна за другой отказываются, мы поняли, то тоже не должны ехать.

– Но одна очень важная поездка в этом году все же состоялась – визит в Латинскую Америку; Патриарх Московский и всея Руси впервые в истории встретился с Папой Римским. Вообще отношения Русской Православной Церкви и Католической Церкви развивались очень непросто: князь Владимир выбирает Православие, а не католичество, Александр Невский, несмотря на то, что находится в вассальной зависимости от татарского ига, защищает Православие, Патриарх Филарет даже идет на крайние меры, насильно перекрещивая католиков... Как сейчас выглядят и развиваются отношения Русской Православной Церкви и Римско-Католической Церкви?

– Вы очень хорошо знаете нашу церковную историю, но я хотел бы уточнить, что в те времена, когда князь Владимир крестил Русь, была уже Западная Церковь со своими литургическими обрядами и была Восточная Церковь, но между ними еще не было разделения. Разделение произошло в XI веке, в 1054 году – именно от этой даты отсчитывается история конфликта.

Конфликт очень углубился из-за крестовых походов, когда латиняне завоевывали православные территории, смещали православную иерархию и ставили свою, разоряли православные храмы, вывозили святыни. Это, конечно, стало той точкой невозврата в православно-католических отношениях, на которой потом, к сожалению, в течение многих столетий эти традиции пребывали.

Во второй половине XX века появилось движение за сближение этих двух традиций, начался богословский диалог между православными и католиками, но встречи Папы Римского и Патриарха Московского никогда в истории не было. И вот мы говорим, что Всеправославный Собор готовился 55 лет, и в итоге он не стал Всеправославным, а встречу Папы и Патриарха мы готовили двадцать лет, и она все же состоялась.

Впервые идея такой встречи возникла при Патриархе Алексии II и Папе Римском Иоанне Павле II. Они должны были встретиться в 1997 году, причем были уже определены и место ее проведения, и дата, но буквально за несколько дней до назначенной встречи Папа вычеркнул из предполагавшегося текста декларации два пункта, которые для нас имели ключевое значение: пункт об унии и пункт о прозелитизме. И когда стало понятно, что главной цели встречи достичь не удастся, Патриарх Алексий от нее отказался.

Потом двадцать лет мы вели переговоры (конечно, не два десятилетия подряд, а со значительными перерывами), и уже при Папе Франциске стало понятно, что предпосылки для встречи созрели. Главной причиной встречи были не столько православно-католические отношения, сколько ситуация на Ближнем Востоке, где происходит массовый спланированный геноцид христианского населения и террористы не различают, кого они взрывают своими бомбами, – католиков, православных, протестантов...

В регионе массово гибнут люди – конечно, не только христиане, но основной удар наносится именно по христианским общинам. И мы видим, что, например, в Ираке, где во времена Саддама Хусейна проживало 1,5 млн. христиан, сейчас в лучшем случае осталась одна десятая часть от этого числа. В Ливии почти не осталось христиан; в целом ряде других стран христиане подвергаются жесточайшим гонениям.

В этой ситуации главы двух крупнейших христианских Церквей должны были встретиться и обсудить сложившееся положение.

– Не меньшее внимание СМИ вызвало само место встречи – Латинская Америка. Ведь вот что интересно: главная претензия Русской Православной Церкви к Церкви Католической состояла в том, что она ведет миссионерскую деятельность на канонической территории Русской Церкви. Здесь обратная ситуация: сейчас Русская Православная Церковь проявляет особое внимание к территориям Латинской Америки, которые традиционно являются католическими. Почему такой высокий интерес именно к этому региону?

– Мы ведь не занимаемся прозелитизмом в Латинской Америке – мы строим храмы для своих верующих. Прежде всего, это наши соотечественники, которых очень много за рубежом; они обращаются к Патриарху с просьбой там или здесь создать храм. Мы никогда сами не иницилируем строительство, но когда люди обращаются, строим храмы. При этом мы всегда ставим в известность местную католическую иерархию, с ней наши священники налаживают партнерские, дружественные отношения. Мы не ставим перед собой цель обращать католиков в Православие.

Естественно, что когда создается приход, бывают случаи индивидуального перехода в Православие – наши храмы не закрыты для местного населения. Но миссия от прозелитизма как раз и отличается тем, что миссионеры говорят о своей вере, не делая этого в ущерб другим, а прозелитизм – это сознательная тактика, направленная на перевод верующих из одной конфессии в другую.

Мы очень долго добивались от католиков, чтобы они не занимались прозелитизмом на нашей канонической территории. Митрополит Кирилл в начале 90-х годов приложил много усилий для того, чтобы дать понять католикам, что Россия, например, – это не какая-то открытая миссионерская территория, но земля с тысячелетней христианской традицией, и любая миссия здесь может вестись только в тесном сотрудничестве с Православной Церковью. И мы сумели договориться с католиками, что они не будут вести прозелитическую деятельность на нашей канонической территории. Естественно, и мы не ведем деятельность такого рода на их канонической территории.

– Вы подняли тему Ближнего Востока и притеснения христиан в этом регионе. Мы все знаем, с каким трудом удалось отбить Пальмиру, жемчужину ЮНЕСКО. Но ведь помимо языческой Пальмиры уничтожено или близко к уничтожению огромное количество христианских святынь в одной только Сирии. Какова их судьба, и какова судьба христиан сейчас в этом регионе?

– К сожалению, многие святыни уже безвозвратно потеряны: их невозможно восстановить, а

только можно будет заново созидать, как это было в нашей стране после того, как закончилась советская эпоха. Ведь в советское время огромное количество храмов было просто стерто с лица земли. Некоторые сохранились, но были перестроены, переоборудованы – их все же можно было восстановить. Те же, которые были уничтожены полностью, пришлось воссоздавать заново. А в некоторых местах это уже невозможно сделать, потому что там, где когда-то высились храмы, теперь стоят какие-то совсем другие здания.

Разрушить легко, а восстановить всегда трудно, но мы все же прошли через этот опыт и восстановили Церковь за 28 лет, прошедшие с момента 1000-летия Крещения Руси, в том величии и славе, в каких она вступила в XX век.

Если говорить о Ближнем Востоке, там ситуация иная: в регионе не только разрушают храмы, но и изгоняют христиан. И когда мы видим, что там сейчас происходит, что христиане в массовом порядке покидают свои земли, надежд, что они туда вернуться, остается очень немного. По сути, речь идет не просто о притеснениях, а о полномасштабных гонениях (на современном языке это можно назвать геноцидом), каких не знала, наверное, даже и Древняя Церковь. По Церкви I-III веков у нас нет цифр, а сейчас у нас есть цифры, пусть и очень приблизительные. Речь идет, действительно, о миллионах людей, которые подвергаются гонениям.

На эту страшную ситуацию западный мир до самого недавнего времени вообще закрывал глаза, об этом не хотели говорить и слышать. Пять лет назад я выступал в ООН перед представителями 150 государств и говорил о гонениях на христиан, приводил цифры, но на меня смотрели, как на сумасшедшего, мол, о чем он вообще говорит, мы впервые об этом слышим. Сейчас, конечно эту тему начали обсуждать из-за того, что террористы сами пропагандируют свои преступления и выкладывают в интернет записи казней, которые они совершают.

Теперь стали говорить, что на Ближнем Востоке осуществляется геноцид христиан, но до недавнего времени эта тема вообще никак не звучала.

– Страшные формы приобретает терроризм и на более близких к нам территориях. Я не могу обойти стороной новость о теракте в Ницце, в котором погибли не только россияне, держатели российских паспортов, но и проживающие за рубежом наши соотечественники – русские православные прихожане храма святителя Николая в Ницце; среди них есть и клирик. Страшный теракт, и все изощреннее становятся методы террористов. Что в понимании нашей Церкви есть терроризм, и можно ли поставить знак равенства между террористом и радикальным разрушением личности?

– Терроризм – это страшная болезнь нашего времени. Конечно, терроризм существует давно, в

России с этим явлением столкнулись еще в XIX веке. Если бы не было терроризма, не погиб бы император Александр II, не погибли бы московский губернатор великий князь Сергей Александрович, премьер-министр Столыпин. Но это были террористические акты, скажем так, разового характера, направленные против конкретных личностей.

Вся подлость метода террористов заключается в том, что они сознательно идут на умерщвление невинных людей. Если говорить о войне, нужно отметить, что Церковь всегда выступает против нее, но с другой стороны, говорит о том, что война может быть оборонительной – человек может быть призван защищать свою Родину. И даже на войне есть какие-то правила, а если они нарушаются, то об этом всегда говорят. Вот мы говорим, что Германия вероломно напала на Советский Союз. Почему вероломно? Потому что не объявила войну. В ином случае война была бы столь же тяжелой, потери, наверное, были бы такими же или, может, чуть меньше, но не было бы этого вероломства, этой подлости.

Суть нынешних террористов – это подлость; они выбирают в качестве мишени беззащитных людей – женщин, детей, стариков, которые ни в чем перед ними не виноваты. И они совершают свои злодеяния, прикрываясь именем Аллаха, что является богохульством. Конечно, они вовсе не служители Аллаха, а служители сатаны, и об этом мы должны говорить прямо. Свои сатанинские деяния они совершают, прикрываясь религиозными лозунгами. Поэтому, когда сейчас говорят про «исламский терроризм», «религиозный терроризм», нужно помнить: нет религиозного терроризма, а есть террористы, которые свою подлость и свои злодеяния кощунственно прикрывают религией.

– История храма святителя Николая в Ницце уникальна еще тем, как это храм возвращался в юрисдикцию Русской Православной Церкви – теперь и храм, и земля, которая находится под храмом, принадлежат нашему государству. Очень много подобных святынь на Святой Земле. Какова их судьба?

– Когда-то на Святой Земле Русской Православной Церкви принадлежало очень много, потому что начальники Русской духовной миссии, такие как архимандрит Антонин (Капустин), за российский казенный счет покупали участки земли, на которых строили храмы, здания. Часть этого наследия сохранилась, часть при Хрущеве была просто отдана Израильскому государству. Но те святыни, которые сохранились, функционируют – конечно, с согласия Иерусалимского Патриархата. У нас есть определенная система взаимоотношений: в Москве имеется Иерусалимское Подворье, а в Иерусалиме действует Русская духовная миссия, к которой относится еще целый ряд подворий и строений.

Русская Церковь оберегает эти святыни, потому что, во-первых, это наше историческое наследие,

а во-вторых, и это самое главное, Святая Земля – это место, где жил Господь наш Иисус Христос, где прозвучала впервые Его проповедь; это земля, освященная Его стопами, и конечно, она для нас имеет совершенно особый смысл и особое значение. Многие наши паломники еще в древние времена посещали Святую Землю для того, чтобы соприкоснуться с теми местами, где жил и проповедовал Господь наш Иисус Христос, где Он умер и воскрес.

– А есть ли истории перехода этих святынь в юрисдикцию Русской Православной Церкви, аналогичные истории перехода храма святителя Николая в Ницце?

– Есть развивающиеся проекты, над которыми мы работаем, и, надеюсь, достигнем успехов.

– Уже заявлена тема для очередных Международных Рождественских чтений – «1917-2017: уроки столетия». Это столетие для нашего государства было очень непростым: Россия как империя, Россия как республика, революция, Россия как крестьянская страна, превратившаяся в индустриальную державу, Великая Отечественная война. Какими видит для себя Русская Православная Церковь уроки этого столетия?

– Прежде всего, мы должны посмотреть на всю нашу трагическую историю XX столетия через призму христианского опыта и христианского мировоззрения. Христианство всегда очень по-своему расставляет акценты. Есть те акценты, которые расставляют историки, и история в этом плане никогда не бывает объективной, потому что всегда с той или иной точки зрения даются субъективные оценки тем или иным историческим фактам.

Церковь на все смотрит через призму христианского учения и христианского мировосприятия. Для нас очень важно будет осмыслить, как реагировал народ на происходившие события, как люди реагировали на революцию, какие были последствия. Конечно, мы должны вновь задуматься о судьбе русской эмиграции, затем поговорить о том, как наш народ откликнулся на войну; мы не можем обойти вниманием массовые репрессии, которые осуществлялись на протяжении 20-30-х годов, в том числе репрессии, которые напрямую коснулись Церкви. Неслучайно на юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года мы канонизировали всех новомучеников и исповедников Русской Церкви – тех, чьи имена нам известны, и тех, о ком мы не знаем, потому что полный их список нам никогда не удастся составить.

Все эти трагические уроки столетия мы должны вновь осмыслить, но не для того, чтобы кого-то осудить или обвинить, а для того, чтобы задуматься о нашем будущем, чтобы не повторять ошибок прошлого, чтобы мы еще раз поняли и всем напомнили: основой нашего духовного бытия является православная христианская вера. Я бы очень хотел, чтобы грядущая столетняя годовщина

революции заставила всех нас задуматься, прежде всего, о том, какое значение в жизни нашего народа имела христианская вера, и что с ним происходило, когда народ или его руководство от веры отказывались.

– Большое внимание в СМИ как в России, так и за рубежом вызвала поездка Патриарха Кирилла в Антарктиду. Это международная территория, как мы знаем, свободная от политики, от производства и от бизнеса, – чистая во всех смыслах, и от отходов в том числе. Конечно, журналистам всегда свойственно усматривать и политическую составляющую любого такого крупного визита. Был ли, уж простите меня за иностранное слово, какой-то политический месседж в этом визите Патриарха? А если нет, то какова была главная задача визита, ведь, напомним, именно у Русской Православной Церкви – единственной в мире – есть храм на Белом континенте.

– Напомню, что этот храм создавался по инициативе наших полярников как раз в те годы, когда нынешний Патриарх был председателем Отдела внешних церковных связей. Возведение церкви в Антарктиде является одним из проектов, которые он лично курировал, находясь в этой должности.

Могу вас заверить, что никакой политической подоплеки в прошедшем в феврале нынешнего года визите не было – Патриарх всегда, насколько ему позволяют рабочий график, силы и возможности, откликается на приглашения тех православных верующих, которые хотят его увидеть. Он, например, посещает такие отдаленные уголки нашей Родины, куда никогда прежде не ступала нога Патриарха. Когда Святейший Патриарх Кирилл путешествовал по Камчатке, его пригласили в одну деревню – очень далекую, куда нужно было несколько часов лететь на вертолете; причем путешествие оказалось сопряжено с риском: вертолет должен был несколько раз подниматься и опускаться, потому что, когда он опускался, то входил в густую облачность, а когда поднимался – начинал леденеть. И вот так, зигзагами, они двигались для того, чтобы попасть в эту деревню. Патриарху также говорили, что в этой деревне находится туберкулезный диспансер, что его заразят туберкулезом. Но он никогда не останавливается перед такими препятствиями, а преодолевает их для того, чтобы увидеть людей и увидеть, как они живут.

Наши полярники в Антарктиде трудятся там вахтенным методом, и каждая такая группа живет не меньше одного года; там они находятся в особых условиях, и служение, которое они несут, – это подвиг. Патриарх очень хотел увидеть их своими глазами. Поскольку мы были довольно близко, по крайней мере, по российским меркам (посещая Парагвай, мы находились всего в каких-то пяти часах лета от Антарктиды), Патриарх принял решение именно в рамках этого визита посетить наших полярников.

Слова, которые он там сказал, для многих из нас были неожиданностью и откровением. Мы,

конечно, знали, что встретимся с полярниками, увидим пингвинов, но когда Патриарх сказал о том, что Антарктида являет образ того, каким мог бы быть весь наш мир, – это земля без границ и без войн, где люди разных национальностей живут в гармонии друг с другом и в гармонии с природой, – его слова нас всех очень поразили и задели за живое. И мы тогда поняли, почему должны были преодолеть это большое расстояние, чтобы попасть в Антарктиду.

– 2017-й год также является годом столетия Патриаршества. Первый период Патриаршества в Русской Церкви продлился чуть больше ста лет – при Петре I оно было упразднено. И второй период, который продолжается сейчас, уже по времени к нему приближается. Как изменилось Патриаршество в нашей стране, как изменилась роль Патриарха и в государстве, и в обществе?

– В первый период Патриаршества у нас были очень разные Патриархи. Были те, от которых остался, возможно, не очень значительный след, были и такие, кто оставил очень большой след в истории, – например, Патриарх Филарет (Романов), который фактически возглавлял наше государство в течение некоторого времени. Были Патриархи, которые оставили по себе смешанную память: например, Патриарх Никон, во время которого в Русской Церкви произошел раскол; и раскол этот до сих пор не преодолен.

Если говорить о Патриархах второго периода, то их у нас было всего пять, но каждый из них оставил очень яркий след в церковной истории, и служение каждого из них было связано с каким-то переломным моментом в жизни Русской Православной Церкви и в жизни нашего государства. Избрание Патриарха Тихона совпало по времени с октябрьской революцией 1917 года. Большевики взяли власть, а буквально через несколько дней был избран Патриарх Тихон. Естественно, что все его служение пришлось на сложнейшее время, когда Церкви надо было как-то встроиться в эту новую реальность.

Затем был длительный период, когда Патриарха не было вообще: власть не давала избрать Предстоятеля, и только на излете Великой Отечественной войны, когда государство осознало необходимость в поддержке Церкви, было разрешено избрать Патриарха. Патриарх Сергей был избран в 1944 году, и панагию, которую я сейчас ношу, подарили ему на день избрания. Здесь так и написано: «Святейшему Патриарху Сергию от духовенства города Москвы. 2 февраля 1944 года» – то есть это день его избрания.

Закончилась война, и избирается новый Патриарх – Алексей I. На время его Предстоятельства приходится сначала несколько лет относительного послевоенного благополучия, а потом – новая волна гонений при Хрущеве. Затем Предстоятелем Русской Православной Церкви был Патриарх Пимен, это брежневская эпоха, его преемником стал Патриарх Алексей II – это эпоха

возрождения Церкви.

И вот уже восьмой год нашу Церковь возглавляет Святейший Патриарх Кирилл. Я эту эпоху называю периодом второго дыхания для Церкви, потому что когда Русскую Православную Церковь возрождалась при Патриархе Алексии II, некоторые говорили: «Мы уже достигли такого пика, что дальше расти некуда. Сейчас, наверное, все уже на спад пойдет». Оказалось, что это совсем не так. Церковное возрождение, которое затронуло крупные города, тогда не дошло до глубинки или дошло не в полной мере. И когда Святейший Патриарх Кирилл взошел на Патриарший престол, одним из его главных проектов было создание новых епархий и митрополий: там, где никогда не было епископа, никогда не было епархиального центра, сейчас такие центры создаются. И Церковь получила второе дыхание – у нас новая волна церковного возрождения.

– Вокруг России сегодня, вольно или невольно, создается так называемый пояс напряженности. Мы его видим и на Ближнем Востоке, и в странах Азии, и в Европе у границ России. Кто-то откровенно указывает на Соединенные Штаты Америки, усматривая именно в Вашингтоне инициатора создания этого пояса напряженности у границ нашей страны. Можно ли говорить об аналогичном поясе напряженности вокруг Русской Православной Церкви и ее святынь?

– Я не ощущаю такого пояса напряженности, хотя, находясь в этой должности, должен быть первым, кто на себе это почувствует. Более того, я хочу сказать, что наше взаимодействие с Поместными Православными Церквями очень укрепилось и интенсифицировалось в последние годы. У нас не было такого взаимодействия с Болгарской Церковью, с Сербской Церковью, с Грузинской Церковью, какое есть сейчас.

У нас очень хорошо развиваются контакты с Католической Церковью, что показала встреча Папы и Патриарха. Еще несколько лет назад такая встреча не была бы возможна.

Есть, конечно, большие сложности в отношениях с протестантами, но не со всеми, а с теми из них на Западе и на Севере, которые пытаются приспособить христианское вероучение к современным секулярным стандартам. С этими протестантами нам очень трудно вести диалог, а с некоторыми мы диалог даже прекращаем.

Есть еще и очень широкое поле для взаимодействия с иными религиозными конфессиями – с исламом, иудаизмом, буддизмом. В этой области имеется огромный позитивный опыт, накопленный в нашей стране, где никогда не было религиозных войн, не было межрелигиозных конфликтов, где все религиозные конфессии трудятся для того, чтобы созидать наш общий дом. Думаю, что все это дает нам сейчас уникальный шанс.

Наша Церковь не только осуществляет свою прямую миссию пастырского окормления православных людей, но еще и служит очень важным связующим звеном между, например, православными народами России и Украины – двух стран, которые сейчас разделены политическим противостоянием, между представителями разных религиозных традиций, которые по-разному веруют в Бога, но живут в одной стране. Я думаю, что эта уникальная роль Русской Православной Церкви и создает ситуацию, когда вокруг нее не может появиться полоса отчуждения.

– Владыка, Русская Православная Церковь часто сталкивается с критикой со стороны светского общества в нашей стране и с внутрицерковной критикой. Сейчас есть социальные сети, где у священнослужителей имеются свои страницы. Они высказываются, и иногда нельзя отличить личную точку зрения от позиции Церкви. Католической Церкви не привыкать к критике и ответам на эту критику, а как относится к этому Русская Православная Церковь?

– Если эта критика конструктивна, то мы ее приветствуем и учитываем, если же она деструктивна или если это не критика, а просто нападки и клевета, тогда, конечно, самое правильное – ее игнорировать. Я помню, когда нынешний Святейший Патриарх еще был митрополитом и председателем ОБЦС, в одной газете постоянно появлялись публикации против него, публикации совершенно клеветнического характера. Все знали, что это неправда, что это заказные статьи, знали даже, кто это проплачивал, и я как-то его спросил: «Почему Вы никогда не отвечаете на эту критику?» Он сказал: «Мой ответ – то, что я продолжаю заниматься своим делом». Полагаю, что на такого рода несправедливую критику Церковь должна отвечать тем, что будет продолжать заниматься своим делом. Естественно, что кому-то это дело не будет нравиться.

А если критика конструктивная, тогда мы, конечно, к ней прислушиваемся, потому что очень важно, чтобы мы понимали не только то, как мы сами себя видим, но и то, как нас видят со стороны, и при необходимости корректировали свое поведение, свой язык. Помню, однажды в одном интервью я употребил не очень ласковое слово по отношению к определенной группе лиц. Мне было на это указано журналистом, и я с тех пор никогда это слово не употребляю. Думаю, что мы должны быть чуткими, должны не только посылать сигналы, но и слышать те сигналы, которые посылают нам.

– Владыка, благодарим за интервью и поздравляем Вас от лица всего коллектива нашего канала с 50-летием.

– Спасибо.

